

**Науки
о Земле.
Социально-
экономические
компоненты
геосистем**

**Earth
Sciences.
Socio-
Economic
Components
of Geosystems**

Обзорная статья

УДК 911.5/.9

DOI: 10.24412/2076-9091-2026-363-52-67

**Александр Александрович Лобжанидзе¹,
Димитрий Леонидович Лопатников²**

¹ Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

² Институт географии РАН,
Москва, Россия

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация. В статье рассматривается эволюция научных взглядов на возможность устойчивого развития от первых эколого-экономических идей до современной парадигмы, закреплённой в Целях устойчивого развития (ЦУР). Особое внимание уделяется пространственному измерению устойчивости, теоретическим подходам (неоклассическому, институциональному, эволюционному, географическому) и их применимости к устойчивому управлению территориями. На основе анализа российских и зарубежных источников выявлены ключевые противоречия реализации концепции устойчивого развития (УР), роль географической науки в ее становлении, а также современные вызовы (изменение климата, пандемия, геополитическая напряженность), трансформирующие детерминанты УР. Показаны диалектические противоречия концепции УР, проявления ее одновременной утопичности, антиутопичности и реалистичности.

© Лобжанидзе А. А., Лопатников Д. Л., 2026

Ключевые слова: устойчивое развитие, Цели устойчивого развития (ЦУР), зеленая экономика, ESG-рейтинги, зеленые финансы, глобальное партнерство, регионализация

Финансирование: исследование не имело финансовой поддержки.

Review article

UDC 911.5/.9

DOI: 10.24412/2076-9091-2026-363-52-67

Alexander Alexandrovich Lobzhanidze¹,
Dimitri Leonidovich Lopatnikov²

¹ Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

² Institute of Geography, RAS,
Moscow, Russia

SUSTAINABLE DEVELOPMENT: CONCEPTUAL PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article examines the evolution of scientific views on the possibility of sustainable development from the first ecological and economic ideas to the modern paradigm enshrined in the Sustainable Development Goals (SDGs). Special attention is paid to the spatial dimension of sustainability, theoretical approaches (neoclassical, institutional, evolutionary, geographical) and their applicability to the sustainable management of territories. Based on the analysis of Russian and foreign sources, key contradictions in the implementation of the SD concept, the role of geographical science in its development, as well as modern challenges (climate change, pandemic, geopolitical tensions), transformative determinants of SD have been identified. The dialectical contradictions of the SD concept, the manifestations of its simultaneous utopianism, dystopianism and realism are shown.

Keywords: sustainable development, Sustainable Development Goals (SDGs), green economy, ESG ratings, green finance, global partnership, regionalization

Funding statement: no funding was received for writing this manuscript.

Введение

Концепция устойчивого развития, зародившись во второй половине XX века как ответ на экзистенциальные угрозы, связанные с истощением ресурсов и деградацией окружающей среды, к настоящему моменту превратилась в официальную парадигму мирового сообщества. От первоначального акцента на экологических ограничениях экономического роста она эволюционировала к сложной, триединой (или четырехкомпонентной) модели, включающей экономическую, социальную и экологическую сферы, а также аспекты управления [1; 2; 6].

Однако, несмотря на кажущуюся универсальность, реализация принципов устойчивого развития сталкивается с серьезными препятствиями, обусловленными пространственной неоднородностью мира. Экономико-географический анализ позволяет рассмотреть устойчивое развитие не как абстрактный идеал, а как конкретный процесс, протекающий в специфических условиях той или иной территории с ее уникальным сочетанием природно-ресурсного потенциала, хозяйственного уклада, расселения населения и институциональной среды.

Цель данной статьи — провести экономико-географический анализ эволюции и современного состояния концепции устойчивого развития, выявить вклад географической науки в ее формирование и оценить применимость различных теоретических подходов к управлению территориальным развитием.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили научные публикации российских и зарубежных авторов ($n = 21$) по теме устойчивого развития за период с 1966 по 2025 г. Методы: контент-анализ, историко-генетический метод, систематизация теоретических подходов, сравнительно-географический анализ.

Результаты исследования

Истоки и эволюция концепции: от экономического роста к балансу интересов

Зарождение идей, предвосхитивших современную концепцию УР, уходит корнями в классическую экономическую теорию. А. Смит, Д. Рикардо и Т. Мальтус, исследуя ограничения экономического роста, заложили основы понимания пределов, связанных с землей и народонаселением [2]. Однако длительное время доминировала неоклассическая парадигма, рассматривавшая экономику как закрытую систему и абстрагировавшаяся от биофизических ограничений. Экономический рост, измеряемый через ВВП, считался панацеей от бедности и социального неравенства, что нашло отражение в первых стратегиях развития ООН [6].

Российская (советская) географическая школа внесла весомый, но не всегда должным образом оцененный вклад в становление идей, созвучных устойчивому развитию. В отличие от западной традиции, где акцент часто делался на математическом моделировании глобальных процессов (Римский клуб), отечественные географы и экономисты сосредоточились на конкретных механизмах взаимодействия общества и природы в специфических условиях огромной евразийской страны.

Как отмечает Т. Ю. Казакова, истоки стратегии УР в России связаны с именами выдающихся ученых [3]. Так задолго до современных дискуссий указал Д. И. Менделеев на геополитические и структурные проблемы развития, связанные с континентальностью нашей страны, суровым климатом и необходимостью рационального использования минеральных богатств не только для текущей выгоды, но и для будущего. Российский экономист-аграрник Н. П. Огановский анализировал деформации российского хозяйства при интеграции в мировой рынок, показывая, как форсированный экспорт зерна ведет к истощению почв и подрыву традиционного животноводства — классический пример неустойчивого природопользования, вызванного внешнеэкономическими факторами.

Фундаментальное значение имеют работы Н. Н. Баранского — основоположника советской районной школы экономической географии. Он обосновал необходимость изучения территориальных производственных комплексов, рассматривая район как связующее звено между природой и обществом. Его подход закладывал методологическую базу для планирования развития с учетом местных природных и экономических условий¹. Работы А. А. Минца, Ю. Г. Саушкина, В. С. Преображенского и других продолжили эту линию, заложив основы природно-хозяйственного районирования и учета пространственных закономерностей взаимодействия человека и среды.

Особого внимания заслуживает концепция рационального природопользования, разработанная Д. Л. Армандом² и философски обоснованная В. А. Анучиным³. Их идеи о необходимости вписаться в естественные процессы планеты, о качественном и количественном учете природных ресурсов с прогнозом на будущее концептуально перекликаются и во многом предвосхищают доклад «Наше общее будущее». Таким образом, российская географическая традиция изначально носила синтетический, комплексный характер, рассматривая развитие территории как единую систему «природа – население – хозяйство», что является сутью современного понимания устойчивого развития.

Переломным моментом стали 1970-е гг. Работы Римского клуба, в особенности доклад «Пределы роста» (1972)⁴, и труды К. Боулдинга⁵ продемонстрировали с помощью методов системной динамики, что экспоненциальный рост на планете с конечными ресурсами неизбежно приведет к коллапсу [2; 7]. Это дало мощный импульс к переосмыслению модели развития. Стокгольмская

¹ Казакова Т. Ю. Оль отечественной географической науки в формировании концепции устойчивого развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 1 (5). С. 66–70.

² Арманд Д. Л. Нам и внукам. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1966. 256 с.

³ Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.

⁴ Медоуз Д. Х. и др. Пределы роста (1972). М.: МГУ, 1991. 207 с.

⁵ Boulding K. The Economics of the Coming Spaceship Earth. In H. Jarrett (ed.). Environmental Quality in a Growing Economy, 1966. P. 3–14. Baltimore, MD: Resources for the Future/Johns Hopkins University Press.

конференция ООН 1972 г. сместила акцент в сторону эколого-экономического развития.

Термин «устойчивое развитие» (УР) вошел в научный и политический обиход в 1980-е гг. и получил широкое распространение после публикации доклада «Наше общее будущее»⁶, подготовленного для ООН в 1987 г. международной комиссией по окружающей среде и развитию, возглавляемой бывшим премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланн.

В русском издании этой книги английский термин *sustainable development* был переведен как «устойчивое развитие», хотя в англо-русских словарях имеются и другие его значения: поддерживаемое, самоподдерживаемое, непрерывное, а в последнее время чаще используется словосочетание «устойчивое благополучие», которое понимается как «развитие, удовлетворяющее потребности настоящего без ущерба для будущих поколений». Родившись как попытка конструктивного ответа на грозный алармистский доклад «Пределы роста», концепция устойчивого развития стала восприниматься как некая мега-идея, способная отвести человечество от очередного апокалипсиса, который, согласно докладу, грядет как результат глобальных демографического, ресурсного и экологического кризисов.

Экономико-географический смысл этого определения заключается в признании территориальной и временной проекции ресурсопользования. Каждое поколение и каждый регион эксплуатируют определенный ресурсный капитал планеты, и задача УР — не допустить, чтобы эта эксплуатация в одном месте и в одно время подорвала возможности развития в другом месте и в другое время.

За последующие десятилетия концепция «устойчивого развития» была принята ООН как официальная. При этом список индикаторов такого развития непрерывно рос и детализировался, далеко выйдя за рамки трех названных глобальных проблем. Теперь в нем есть и экономический, и социальный, и политический блок.

Дальнейшая институционализация концепции прошла через череду ключевых форумов: Саммит Земли в Рио-де-Жанейро (1992), принявший Повестку дня на XXI век; Саммит тысячелетия (2000), утвердивший Цели развития тысячелетия (ЦРТ); Йоханнесбургский саммит (2002) и «Рио+20» (2012), где концепция была расширена до четырех измерений (добавлено «управление»). Венцом этой эволюции стали 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), принятые в 2015 г. как универсальная повестка для всех стран до 2030 г.

В процессе своего вызревания и расширения сферы интересов за несколько десятилетий она плавно переключалась из сферы научных исследований и дискуссий в штабы зеленых партий и экологических движений. К сожалению, это редко способствует поиску истины, так как переходит в область интересов. А сегодня они явственно выражены и масштабны.

⁶ Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 371 с.

Во-первых, это немалые голоса избирателей на выборах, особенно в высоко-развитых странах. Например, в Германии, партия «Зеленые» в последние десятилетия получала голоса в Бундестаг и ландтаги, сопоставимые с нашими КПРФ или ЛДПР. С подачи политиков-ораторов и уверовав в антропогенную природу глобального потепления, а большинством «зеленых» политиков это трактуется как доказанный факт, избиратели идут голосовать, проникнутые идеей, что они способны отвести от мира страшную угрозу. Вместе с тем «зеленый переход» сталкивается с растущим политическим сопротивлением. Так, «Европейская зеленая сделка» (European Green Deal) подвергается атакам со стороны правых популистских сил, которые используют критику климатической политики для мобилизации избирателей. Экологическая повестка стала инструментом в политической борьбе, где научные аргументы часто отходят на второй план перед сиюминутными политическими интересами и борьбой за голоса.

Во-вторых, подпрограммы, принимаемые на международном и национальном уровнях в рамках борьбы за устойчивое развитие и связанные с большими финансами, уже исчисляемыми триллионами долларов. Можно всячески приветствовать стремительное развитие мирового рынка зеленых финансов, который уже плодотворно работает на реализацию масштабных проектов по развитию ВИА, органического сельского хозяйства и др.

Немалое финансирование устойчивых проектов выделяется, в частности, по линии ООН. Управляют распределением этого финансирования бюрократы различных уровней. Подобная практика, к сожалению, ставшая нормой, работает естественным образом не столько на поиски истины, сколько на результат, нужный чиновникам, политическим и другим заинтересованным структурам.

Риски гринвошинга (использования экологического имиджа), конечно же, велики. Рынок зеленых финансов имеет триллионные обороты, но это не только бюджеты для чиновников ООН. Это деньги институциональных инвесторов (пенсионных фондов, страховых компаний), которые требуют прозрачности и реальных экологических результатов. Этот рынок, несмотря на все издержки, создает мощный экономический стимул для бизнеса снижать углеродный след и инвестировать в зеленые технологии, что в итоге работает на Цели устойчивого развития.

Мы ни в коей мере не ставим под сомнение необходимость конструктивно действовать в сфере управления мировым развитием с целью обеспечения достойного будущего следующих поколений, но тем не менее считаем, что в рамках рассматриваемой концепции еще есть немало дискуссионных тем, требующих беспристрастных исследований.

Современные вызовы и трансформация идей устойчивого развития

В XXI в. концепция УР столкнулась с новыми глобальными вызовами, которые обнажили ее внутренние противоречия и потребовали дальнейшей теоретической рефлексии.

Один из ключевых вопросов — принципиальная возможность глобального управления такой сверхсложной мегасистемой, как «человечество — биосфера». Среди ответов на этот вопрос в нашей стране наиболее известна идея ноосферы. Само понятие ноосферы — сферы разума — подразумевает потенциальную возможность управления биосферой человеком. В классическом варианте, изложенном в трудах Э. Леруа, Т. де Шардена, В. И. Вернадского, трансформация биосферы в ноосферу может быть позитивна и спасительна⁷. Кажется бы, найден фундамент для разрешения антагонистического конфликта между человеком и природой. Осталось только эту глубокую общеполитическую идею конкретизировать в рамках научных изысканий и основанной на них конструктивной практике — и Земля будет спасена.

Идея ноосферы, несомненно, хороша. Однако сомнения в другом — в возможности ее реализации. Исходя из теории ноосферы, человечество должно начать жить по новым правилам и организовать сознательное управление панпланетарными процессами, которое будет давать экологически лучший результат, чем стихийное развитие протекающих на планете естественных и техногенных процессов. Как это сделать? Вразумительного ответа на этот вопрос пока нет, и вряд ли он будет дан в обозримой перспективе. А без ответа на этот ключевой вопрос идея ноосферы и как одна из форм ее реализации — концепция устойчивого развития будут утопичны.

Концепция УР вступает в определенное противоречие с теориями цикличности цивилизационного и мирохозяйственного развития и периодически наблюдаемыми мирохозяйственными и, в более широком контексте, социально-экономическими и цивилизационными циклами и кризисами. Возможно ли совместить концепцию УР с этими теориями, циклами и кризисами — это вопрос. Именно неустойчивое развитие было основной формой существования государств, регионов и мировой цивилизации в целом за всю ее историю до настоящего времени.

С другой стороны, если исходить из долгосрочной очистительной благотворности кризисов, то волнообразная цикличность мирового развития, как это ни парадоксально звучит, может тоже рассматриваться как форма реализации концепции УР.

Концепция УР подразумевает линейное, бескризисное развитие. Однако история и экономическая теория⁸ говорят об обратном: развитие происходит

⁷ Янишина Ф. Т. Ноосфера В. И. Вернадского: утопия или реальная перспектива? // *Общественные науки и современность*, 1993. № 1. С. 163–173.

⁸ Шумпетер Й. Глава 7. Процесс «созидательного разрушения» // *Капитализм, социализм и демократия*: пер. с англ. / отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. М.: Экономика, 1995. С. 153–163. (ЭН. Экономическое наследие); Perez C. *Capitalism, Technology and a Green Global Golden Age: The Role of History in Helping to Shape the Future* / eds. by M. Mazzucato and M. Jacobs. London: Wiley Blackwell Ch., 2016. № 11. P. 191–217; Frans Lavdari. *The Fallacy of Infinite Growth: Rethinking Economic Progress in the Anthropocene* // *World Economics Association*, 2025. URL: <http://etdiscussion.worldeconomicsassociation.org/papers/the-falla>

через циклы и кризисы, которые выполняют очистительную функцию, обновляя технологическую базу. Принцип «нет худа без добра» положен в основу ставшей классической работы К. Перес «Технологические революции и финансовый капитал», где автор убедительно доказывает, что кризисы ведут не только к радикальному обновлению технологической базы хозяйства, но и к пересмотру основ экономической теории и практики на каждом новом этапе мирового развития. В этом же ключе звучат идеи Й. Шумпетера о созидательном разрушении, марксистско-ленинская теория пролетарской революции, в романтике которой воспитывалось не одно поколение советских людей. В прошлом году Нобелевская премия по экономическим наукам была присуждена Дж. Мокиру, Ф. Агьону и П. Ховитту за разработку теории устойчивого роста именно через созидательное разрушение. С этой позиции устойчивое развитие отнюдь не означает перманентно поступательное движение по восходящей, как это виделось, например, в рамках советской политэкономии.

По-новому заставляет взглянуть на возможность или невозможность реализации концепции УР внедрение в жизнь технологий искусственного интеллекта (ИИ). То, что казалось невозможным при традиционных технологиях регулирования экономики, социальных и политических процессов, вполне вероятно, станет возможным в ближайшем будущем благодаря ИИ [11]. Вопреки опасениям об антиутопии, ИИ уже сегодня активно и успешно применяется для решения конкретных задач устойчивого развития. Систематический обзор источников показывает, что умные алгоритмы используются для диагностики проблем, распределения ресурсов (например, анализ фондов борьбы с бедностью), прогнозирования (сценарии землепользования) и разработки долгосрочных энергетических политик, то есть ИИ уже становится практическим инструментом для перехода к устойчивости, а не только угрозой.

Концепция УР, которая глобальна по своему замыслу, зачастую приходит в противоречие с ее локальной реализацией. Экономико-географический анализ выявляет фундаментальные противоречия в парах «центр – периферия» и «город – село».

Основные выгоды от потребления ресурсов концентрируются в развитых странах и регионах (центрах), в то время как основная экологическая нагрузка (добыча сырья, размещение отходов, грязные производства) приходится на периферийные и полупериферийные территории. Принцип общей, но дифференцированной ответственности на практике часто оборачивается попыткой развитых стран переложить бремя декарбонизации на развивающиеся экономики. Яркий пример — ситуация с «Северными потоками». Как отмечает А. С. Харибына, этот маршрут был наиболее эффективным и экологичным для транспортировки газа в Европу, но он был блокирован по геополитическим причинам, в то время как Европа продолжает закупать более грязный

сланцевый газ из США, добываемый энергозатратным методом крекинга [5]. Так, экологическая рациональность уступает место политической конъюнктуре.

Проблематика УР в урбанизированных зонах (качество воздуха, транспорт, управление отходами) и сельской местности (депопуляция, доступ к услугам, поддержание агроландшафтов, сохранение биоразнообразия) кардинально различается. Стратегии развития должны учитывать эту пространственную дифференциацию, что требует децентрализации управления и учета местной специфики и часто вступает в противоречие с иерархическим подходом ООН [10].

Рост геополитических рисков и санкционное давление ведут к фрагментации мирового пространства. Принятые в ООН ЦУР, не имеющие обязательной юридической силы, оказываются заложниками геополитических интересов. Доклад ООН 2023 г. фиксирует недостаточный прогресс по реализации Концепции УР: по 48 % задач ЦУР наблюдается слабое продвижение, а по 37 % — застой или регресс [6].

В этих условиях возрастает роль региональных интеграционных объединений как альтернативных или дополняющих центров силы в глобальном управлении устойчивым развитием. Доклад НИУ ВШЭ подробно анализирует опыт различных регионов в достижении ЦУР [9].

ЕС продолжает задавать тон через «Европейскую зеленую сделку» и систему трансграничного углеродного регулирования (СВАМ). Однако внутреннее разногласия и внешние факторы (энергетический кризис, связанный с санкциями по отношению к дешевым российским энергоносителям) замедляют прогресс в этом направлении. В условиях ограниченности традиционных энергоресурсов стала очевидной несостоятельность зеленой энергетики. Европейский климатический закон и механизмы контроля, такие как Европейский фонд устойчивого развития (EFSD), создают жесткую наднациональную рамку, влияющую на региональную политику стран-членов и их внешнеэкономические связи (трансграничное углеродное регулирование). Страны ЕС пытаются совместить цель климатической нейтральности с парадигмой бесконечного экономического роста, что делает их внутренне противоречивыми и потенциально нереализуемыми в долгосрочной перспективе.

ЕАЭС демонстрирует попытку выработки собственной повестки. Утверждение в январе 2023 г. модельной таксономии зеленых проектов — важный шаг к гармонизации подходов и привлечению инвестиций. Включение в эту таксономию ядерной энергетики и газовых проектов с низким уровнем выбросов отражает специфику энергобаланса стран ЕАЭС и их стремление к технологическому суверенитету. Перспективным направлением становится разработка гармонизированных подходов к ЦУР в рамках ЕАЭС. Создание евразийского ESG-рейтинга при ведущей роли ЕАБР позволило бы создать объективный инструмент для оценки вклада компаний региона в устойчивое развитие, сопоставимый внутри союза и адаптированный к его экономико-географической специфике.

Глобальный Юг сталкивается с нехваткой финансирования и технологий для достижения ЦУР. Они настаивают на выполнении развитыми странами обязательств по предоставлению 0,7 % ВВП на помощь в целях развития и на справедливом трансфере технологий. Кризис глобальных институтов и рост протекционизма усугубляют эти проблемы. Анализ подходов АСЕАН, МЕРКОСУР и Африканского союза обнажает фундаментальное противоречие глобальной повестки — макроэкономическое неравенство. Страны Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, являясь получателями помощи, подчеркивают недостаточность ресурсов для достижения ЦУР. Для них критически важны инвестиции, трансфер технологий по линии «Север – Юг» и решение проблем долгового кризиса. Для этих регионов на первый план выходят не только климатические цели, но и борьба с голодом (ЦУР 2), доступ к воде, устойчивое управление земельными ресурсами, тогда как экологическая повестка часто вступает в конфликт с необходимостью быстрого экономического роста (как в случае с вырубкой лесов в АСЕАН). Экономико-географически это проявляется в концентрации грязных производств в развивающихся странах в рамках глобальных цепочек поставок.

Тезис об исчерпании природных ресурсов в целом не оправдался. Во всяком случае, серьезных подтверждений этому в том варианте, который был представлен в докладе «Пределы роста», на сегодня нет. Не оправдались и прогнозы о скором исчерпании углеводородов, что сегодня скорее выступает фактором торможения технического прогресса, чем поддержания общемировой экономической безопасности⁹. Один из знаковых и наиболее ярких трудов, посвященных проблеме исчерпания природных ресурсов, — книга Дж. Саймона «Неисчерпаемый ресурс» [8]. Главный посыл Саймона сформулирован в его предельно кратких, но, нужно отдать должное, подробно аргументированных ответах на ключевые вопросы взаимоотношений человека и природы. Заслуга Саймона в том, что он еще в конце прошлого века попытался вернуть темы народонаселения, ресурсов развития современной цивилизации и экологических издержек этого развития из алармистского невроза в поле научных дискуссий. К сожалению, во многом его труд пока остается гласом вопиющего в пустыне.

В основании концепции устойчивого развития до сих пор лежат алармистские догматы, укладывающиеся в общую красную нить, что «раньше было хорошо, теперь стало плохо, а дальше, если всем не мобилизоваться на борьбу с экологическими и другими угрозами, будет планетарная катастрофа», которые делают ее не столько научной, сколько конъюнктурной. Реальная картина сложнее и мозаичнее. В частности, она не учитывает того, что в конце XX — первых десятилетиях XXI в. как на планете в целом, так и в отдельных регионах и странах мира произошли качественные изменения в глобальной экологической панораме. Действительно, прогнозы о том, что нефть и газ могут закончиться, не оправдались во многом благодаря технологическому прогрессу,

⁹ Медоуз Д. Х. и др. За пределами роста. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

открывшему доступ к новым запасам (сланцевая революция, глубоководная добыча). Рост цен на сырье стимулировал поиск новых решений, что в итоге привело к большей их доступности. История последних десятилетий с развитием новых технологий по добыче сланцевой нефти и газа, а также со снижением стоимости возобновляемой энергии является эмпирическим подтверждением теории Дж. Саймона.

Однако проблема не в тотальной нехватке ресурсов, а в качестве ресурсов и экологических издержках их добычи. Удельная ресурсоемкость экономики снижается, но абсолютное потребление энергии и материалов продолжает расти, особенно в Азиатском регионе [7]. Это усугубляет проблему экологического следа развитых экономик, которые выводят грязные производства за свои пределы.

Критика неомальтузианства не отменяет проблемы планетарных границ. Альтернативная точка зрения, представленная в дискуссиях о дегроуте (degrowth), утверждает, что проблема не в исчерпании ресурсов как таковом, а в том, как они распределяются. Рост экономики в странах Глобального Севера достигается за счет выноса грязных производств и эксплуатации ресурсов Глобального Юга. В этом контексте УР для развитых стран означает не просто технологический оптимизм, а сознательное сокращение потребления, чтобы освободить экологическое пространство для развития более бедных стран.

Новыми вызовами в начале XXI в. стали глобальное изменение климата и наметившийся в связи с этим энергетический переход. Климатическая повестка стала доминирующей после принятия Парижского соглашения (2015), которое задало цель достижения углеродной нейтральности. Однако, как показывают примеры, переход к зеленой экономике нелинеен. Энергетический кризис в Европе, спровоцированный геополитической напряженностью, привел к временному возврату к углю в некоторых странах, продемонстрировав, что экологические приоритеты могут отступать перед задачами энергетической безопасности [2].

Переход к зеленой экономике требует огромных инвестиций и доступа к новым технологиям. Развивающиеся страны оказываются в ловушке: им необходимо развиваться, но им навязываются стандарты, которые могут быть достигнуты только при уже имеющемся высоком технологическом уровне, что еще больше закрепляет отсталость.

Для такой страны, как Россия, где природный газ (экологически более чистый, чем уголь или мазут) является основой тепловой энергетики, климатическая повестка имеет двойственное значение: с одной стороны, это риск санкций и снижения спроса, с другой — возможность для развития производства водорода и углеродного менеджмента. Анализ данных показывает, что выбросы могут колебаться в зависимости от производственных показателей: рост добычи и транспортировки после спада пандемии привел к увеличению выбросов в 2021 г. Это иллюстрирует фундаментальное противоречие: экологические показатели часто находятся в прямой зависимости от объемов производства.

Оценки демографических трендов и детерминированности ресурсной и экологической проблем продолжающегося пока роста народонаселения неоднозначны. Остается дискуссионной проблема емкости биосферы, диапазон оценок которой различается не только в разы, но и на порядок. Намечившиеся тенденции в мировой демографической панораме неизбежно внесут качественные коррективы в отношения между человеком и природой.

Глобальный демографический переход, современниками которого мы являемся, в долгосрочной перспективе приведет к кардинальной переоценке всех футурологических неомальтузианских сценариев развития человечества. Пока большинство из них своими корнями уходят в эпоху демографического взрыва и не учитывают тот исключительно важный для будущего нашей планеты факт, что точка перегиба на демографической кривой пройдена и в нынешнем веке общепланетарное население растет не с ускорением, а с существенным замедлением. Если затухание роста его численности пойдет по уже намечившейся траектории, проблемы устойчивого развития приобретут другое качество. Высока вероятность того, что речь идет уже о ближайших десятилетиях.

Дальнейшее развитие человечества в условиях прекращения роста численности населения, пусть даже на огромной цифре, которая, возможно, будет превышать 10 млрд человек, кардинально изменится. Главное, оно станет относительно стабильным. На первый план выйдет оценка емкости биосферы в совершенно новых демографических реалиях, когда она не будет опираться на численность населения вообще и масштабы его экономической и другой активности, а также на плотность населения на конкретных территориях. В новой реалии на первый план выйдут не количественные характеристики народонаселения и экономики, а качество населения и хозяйственных систем будущего.

Ключевым фактором становится не столько численность, сколько возрастная структура населения. Исследования показывают, что политика сокращения выбросов (эмиссионные квоты) по-разному влияет на экономический рост и качество окружающей среды в зависимости от того, насколько молодой или старой является возрастная структура населения. Более того, в стареющих обществах ужесточение экологической политики может парадоксальным образом улучшать качество окружающей среды. Демографические сдвиги меняют структуру спроса на энергию и труд, подталкивая к развитию экономики заботы.

Новым вызовом в социально-экономическом развитии стала пандемия COVID-19. Пандемия разделила восприятие ЦУР на до и после, не только обострив социальное неравенство и отбросив назад достижения в борьбе с бедностью, но и высветив уязвимость глобальных цепочек поставок. Это усилило тренд на регионализацию и поиск большей автономии, что вступает в противоречие с идеей глобального партнерства, заложенной в ЦУР-17 [2].

Пандемия COVID-19 и последовавший за ней энергетический кризис в Европе наглядно показали: в моменте страны готовы жертвовать экологическими целями (расконсервация угольных шахт в Германии) ради обеспечения текущих потребностей в энергии.

Рост геополитической напряженности и кризис глобального управления привели к тому, что приоритеты национальной безопасности и текущей экономической стабильности оттеснили долгосрочные экологические цели на второй план. Страны, столкнувшись с угрозами национальной безопасности, вынуждены сокращать горизонт планирования и отодвигать долгосрочные экологические цели в пользу текущих экономических задач [2]. ООН, будучи основной площадкой для продвижения УР, сталкивается с кризисом доверия и отсутствием механизмов принуждения к выполнению принятых резолюций. Институциональные механизмы оказываются слабыми для достижения консенсуса между государствами.

Заключение

Утопичность концепции УР проявляется в ее стремлении к глобальному управлению сверхсложной системой «человек – биосфера». Идея ноосферы как сферы разума, управляющего планетарными процессами, пока не имеет практических механизмов реализации и остается благородной, но труднодостижимой целью. Развитие по-прежнему циклично и кризисно, а попытки загнать его в прокрустово ложе линейного устойчивого прогресса могут быть наивными. Разнообразие трактовок и смыслов, расплывчатость проблематики, вкладываемой в концепцию устойчивого развития учеными, политиками, управленцами, бизнесменами и др., неясность механизмов ее реализации требуют дальнейшей научной работы над ее основными идеями и возможностями. Фрагментация мира и кризис многосторонних институтов делают глобальное управление еще более призрачным.

Антиутопичность концепции УР кроется в риске использования концепции для построения нового типа глобального контроля. Унификация стандартов, цифровизация управления и концентрация зеленых финансов в руках наднациональных структур могут привести к обществу, описанному Оруэллом, где слово «устойчивость» станет синонимом тотальной регламентации. ESG-рейтинги, при всей их полезности, могут превратиться в инструмент давления и манипуляции. Развитие ИИ и цифровых двойников городов, призванное оптимизировать управление, несет в себе и угрозу тотального контроля, описанную в антиутопиях.

Реалистичность концепции УР заключается в том, что она, даже будучи в чем-то утопичной, уже сейчас выполняет важнейшую регулятивную функцию. «Лейбл» устойчивого развития приносит благотворные плоды: стимулирует

энергосбережение, развитие возобновляемой энергетики, рециклинг, заставляет бизнес и государства учитывать экологические и социальные последствия своей деятельности. Экономико-географический анализ подтверждает: будущее устойчивого развития лежит не в плоскости абстрактных глобальных целей, а в конкретных действиях на местах, учитывающих пространственное разнообразие мира. Российская географическая школа с ее традициями комплексного районирования и рационального природопользования обладает уникальным инструментарием для разработки адаптивных стратегий. Подлинная устойчивость — это не состояние покоя, а способность территории и общества гибко реагировать на вызовы, сохраняя свою целостность и потенциал для развития в условиях перманентной турбулентности и цикличности.

Главная заслуга концепции УР состоит в том, что она опирается на принципиально новое видение веса различных факторов социально-экономического развития, среди которых впервые на первый план вышел экологический фактор.

Список источников

1. Балашова Е. С., Шарипова С. Р. Генезис теоретических представлений об устойчивом развитии социально-экономических систем // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 371–387. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2019-3-371-387>. EDN: RNFW XF.
2. Кадомцева М. Е. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // AlterEconomics. 2023. Т. 20. № 1. С. 166–188. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9>. EDN: GYMPNX.
3. Казакова Т. Л. Роль отечественной географической науки в формировании концепции устойчивого развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 1 (5). С. 66–70. EDN: JKLEVJ.
4. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва: Экономика, 2002. 765 с. ISBN: 5-282-02181-1. EDN: QTGOAJ.
5. Корпоративная эколого-социальная ответственность современной энергетики (на примере ПАО «Газпром») / А. В. Федаш, Н. Е. Лобжанидзе, О. С. Сизов, А. С. Харыбина // Нефтяное хозяйство. 2023. № 9. С. 60–65. <https://doi.org/10.24887/0028-2448-2023-9-60-65>. EDN: GCQQBZ.
6. Макарова В. В. анализ эволюции концепции устойчивого развития // Экономические науки. 2023. № 227. С. 249–257. <https://doi.org/10.14451/1.227.249>. EDN: QCGBZF.
7. Ножнин И. Н., Сараквашин Д. А., Шукина А. Я. Влияние устойчивого развития на формирование экономики новейшего типа // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 1. С. 194–201. EDN: MVMVTM.
8. Саймон Дж. Неисчерпаемый ресурс; пер. с англ. Б. С. Пинскера. Челябинск: Социум, 2005. 796 с. ISBN: 5-901901-42-8. EDN: QQVNJT.
9. Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний: Доклад к XXIV Ясинской (апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / М. Э. Аким, В. А. Варнавина, Е. А. Гавенко и др. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 162 с. ISBN 978-5-7598-2783-2. EDN: KGZDAI.

10. Юденко М. Н., Бачуринская И. А., Дмитриева Т. А. Теоретические подходы к устойчивому развитию как основа государственного управления устойчивым развитием территорий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 97–104. EDN: CEOBVY.

11. Anggunia S. D., Sowell J., Pérez-Ortiz M. Decoding development: the AI frontier in policy crafting: A systematic review // Data & Policy. 2025. Vol. 7. P. e31. <https://doi.org/10.1017/dap.2025.10>. EDN: PPYOKU.

References

1. Balashova E. S., Sharipova S. R. Genesis of theoretical concepts of sustainable development of socio-economic systems. Perm University Herald. Series: Economics. 2019;14(3):371–387. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2019-3-371-387>. EDN: RNFW XF.

2. Kadomtseva M. E. The concept of sustainable development: evolution of theoretical approaches and modern vision. AlterEconomics. 2023;20(1):166–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9>. EDN: GYMPNX.

3. Kazakova T. L. The role of domestic geographical science in the formation of the concept of sustainable development. Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. 2008;(5):66–70. EDN: JKLEVJ. (In Russ.).

4. Kondratiev N. D. Large cycles of market conditions and the theory of foresight. Moscow: Ekonomika. 2002. 765 p. EDN: QTGOAJ. (In Russ.).

5. Makarova V. V. Analysis of the evolution of the concept of sustainable development. Economic Sciences. 2023;(227):249–257. (In Russ.). <https://doi.org/10.14451/1.227.249>. EDN: QCGBZF.

6. Fedash A. V., Lobzhanidze N. E., Sizov O. S., Kharybina A. S. Corporate environmental and social responsibility of modern energy industry (on the example of Gazprom PJSC). Oil Industry. 2023;(9):60–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24887/0028-2448-2023-9-60-65>. EDN: GCQQBZ.

7. Nozhnin I. N., Sarakvashin D. A., Shchukina A. Ya. The impact of sustainable development on the formation of a new type of economy. Bulletin of Volga University named after V. N. Tatishchev. 2020;2(1):194–201. EDN: MVMVTM. (In Russ.).

8. Simon J. The Ultimate Resource. Chelyabinsk: Sotsium; 2005. 796 p. (Translated from English by B. S. Pinsker). EDN: QQVNJT. (In Russ.).

9. Akim M. E., Varnavina V. A., Gavenko E. A. et al. Sustainable development in an unstable world: uniting the efforts of regions, cities and companies. Report for the XXIV Yasin-skaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2023. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”; 2023. 162 p. EDN: KGZDAI. (In Russ.).

10. Yudenko M. N., Bachurinskaya I. A., Dmitrieva T. A. Theoretical approaches to sustainable development as a basis for state management of sustainable development of territories. Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024;(1):97–104. EDN: CEOBVY. (In Russ.).

11. Anggunia S. D., Sowell J., Pérez-Ortiz M. Decoding development: the AI frontier in policy crafting: A systematic review. Data & Policy. 2025;7:e31. <https://doi.org/10.1017/dap.2025.10>. EDN: PPYOKU.

Информация об авторах / Information about the authors:

Лобжанидзе Александр Александрович — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии имени академика РАО В. П. Максаковского, профессор кафедры, географический факультет, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

Lobzhanidze Alexander Alexandrovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic and Social Geography named after Academician of the Russian Academy of Education V. P. Maksakovsky, Professor of the Department, the Faculty of Geography, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

alobjanidze@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0006-9603-066X>

Лопатников Димитрий Леонидович — доктор географических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории географии мирового развития, Институт географии Российской академии наук, Москва, Россия.

Lopatnikov Dimitri Leonidovich — Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Geography of World Development, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

imartos@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8873-6140>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2026;
одобрена после доработки: 31.03.2026;
принята к публикации: 04.04.2026.

The article was submitted: 27.03.2026;
approved after reviewing: 31.03.2026;
accepted for publication: 04.04.2026.